

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Сапрынской Дарьи Викторовны «Этнокультурная политика России/СССР и Китая в отношении уйгуров и дунган (последняя треть XIX — первая треть XX века)»

**на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2 — Всеобщая история**

Диссертационное исследование Д.В. Сапрынской посвящено комплексному сравнительному анализу этнокультурной политики двух крупных евразийских государств — Российской империи/СССР и Китая — в отношении уйгуров и дунган в критически важный период их политической и институциональной трансформации. Обращение к данной проблематике следует признать своевременным в связи с актуализацией проблем национальной политики как во всем мире, так и в полиэтническом регионе Центральной Азии, где механизмы и модели взаимодействия государственных институций и этнических сообществ являются одними из важнейших факторов всей политической, экономической и социокультурной жизни. И в этом контексте проведенный автором диссертации сравнительный анализ позволяет по-новому увидеть многие из исторических оснований существующих этнополитических практик.

Во введении диссертации корректно определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи работы, последовательно раскрыта степень научной разработанности темы, обоснованы критерии выбора хронологических и территориальных рамок.

Научная новизна работы определяется реализацией кроссрегионального подхода к исследованию заявленной проблемы. Кроссрегиональность исследования, к которой апеллирует автор, представляет собой актуальный подход в изучении подобной проблематики. Поэтому можно справедливо согласиться с тезисом Д.В. Сапрынской о недостаточной разработанности именно сравнительного аспекта темы в рамках существующих исследований (с. 4-6). Важным в рассматриваемой диссертации является также введение в научный оборот неопубликованных источников, среди которых особую ценность представляют архивные материалы, позволяющие дать представления по такому сюжету как проекты создания единой нации уйгуров, куда включались бы уйгуры и дунгане. Заслуживают интереса использование в диссертации неопубликованной в СССР рукописи одного из

классиков киргизской историографии З.Л. Амитина-Шапиро, а также перевод на русский язык статей уйгурских авторов, публиковавшихся в мусульманском общественно-литературном журнале «Шура» («Совет»), написанных на старотюркском языке.

Отдельно стоит подчеркнуть проведенную детализацию объекта исследования. Автор отмечает, что исследуемые группы уйгуров и дунган рассматриваются совместно в связи с конкретными событиями в регионе — их переселением в Западный Туркестан после мусульманских восстаний, сложностью их определения для администраций, историческими примерами объединения этих народов в одну группу переселенцев, а также существованием в начале XX в. объединительных национальных проектов. Это позволяет проследить динамику и трансформацию идентификации исследуемых групп, логично подводя к основному тексту исследования.

Следует отметить, что целью исследования выбрано не описание отдельных сюжетов действовавшей этнополитики, а предпринята успешная, на наш взгляд, попытка выявления механизмов государственной политики и принципов выделения категорий исследуемых этнокультурных групп. Для раскрытия цели сформулированы шесть задач, соответствующие хронологическим этапам исследования и отражающие содержание исследования. Особую роль играет задача классификации «исследований отечественных и зарубежных акторов, изучавших этнические общности уйгуров и дунган, с учетом их социокультурных характеристик», позволяющая «определить их влияние на процесс нациестроительства».

С точки зрения истории Западного Туркестана автором выбран вполне корректный период, связанный с обоснованием положения уйгурской и дунганских общностей, однако очевидной детализации подобная проблематика требовала при объяснении ситуации в Восточном Туркестане, где основной процесс национального строительства пришелся все-таки на период после Второй мировой войны. Во введении автор указывает, что логика выбора периода связана с появлением первого официально закрепленного употребления существовавших ранее этнонимов — «уйгуры и дунгане» в 1936 г., в закреплении за ними официальных прав и определенного статуса, что позднее было реализовано в Китае. Поэтому этот хронологический период следует считать для Восточного Туркестана скорее предтечей, что уже в других условиях было реализовано в Китае после 1944 г. В то же время, можно и согласиться с выбором автором периода, который обосновывается тем, что компаративный метод применим лишь при сопоставимости сравниваемых

объектов, а в условиях исследования этнополитики в отношении конкретных этнических общностей это возможно только при изучении их совместно в рамках единой хронологии.

Методологическая основа диссертации представляется полной несмотря на то, что автор несколько кратко описывает состояние научных школ. При этом видно, что для автора ключевым является не личная идентификация народностей, а именно употребление и категоризация населения в рамках политических и административных систем России и Китая, при анализе которых в современной науке конструктивистский метод является доминирующим. Важно, что автор подчеркивает анахроничность терминологии, апеллируя к возможности использования различных терминов во взаимосвязи с периодизацией, в частности, указывается, что понятие «нация» применимо для описания процессов этнополитики, начиная с 1920-х гг.

Положения, выносимые на защиту, сформулированы четко и наглядно, они логично объединяют содержание диссертации, и в достаточной степени аргументированы. Структура исследования представляется вполне оптимальной, можно отметить, что историография и характеристика источников вынесены автором в первый раздел первой главы «1.1. Зарубежная и отечественная историография и источники». Подобный прием нередко применяется в научных исследованиях, опирающихся на широкий круг исторических работ. В списке использованных в диссертации работ представлено 603 наименования, среди которых материалы на русском, европейских, тюркских и китайском языках.

В первой главе «Уйгуры и дунгане в системе международных отношений в Центральной Азии в последней трети XIX — начале XX века» описаны положение, численность, правовая и хозяйственная специфика уйгурской и дунганской общин. Ключевой задачей автора в этой части является демонстрация многообразия категорий идентичности (религиозная, хозяйственная, территориальная и др.) и подходы администраций, направленные на выделение специфических групп, наделение их специфическими административными характеристиками.

Автором подробно изложены вопросы региональной идентификации в контексте всей специфики региональной истории. В целом, автор достигает поставленной цели, при этом дополнительным обстоятельством, способным усилить выводы автора, могло бы стать более подробное рассмотрение обстоятельств, описанных в приведенных автором работах С.Г. Кляшторного, А.А. Колесникова на тему оазисного партикуляризма, также показывавших, как решение вопроса формулирования категорий в рамках административной этнополитики сталкивалось

с сохранившейся в регионе собственной политической и социальной организацией, которая в меньшей степени, чем в предыдущие периоды, но все еще играла роль в решении вопросов управления и самоорганизации населения.

Во второй главе «На стыке эпох и идеологий: уйгуры и дунгане в период политической трансформации Центральной Азии на рубеже XIX—XX веков» главным образом описаны эффекты эпохальных для региона событий на этнокультурную идентичность в регионе. Автором обоснованы выводы о близости российских и китайских подходов, нацеленных главным образом на сохранение государственного строя. Отличие состояло в эффекте модернизационных процессов, они проявлялись главным образом в Западном Туркестане, откуда оказывали влияние и на ближайших соседей. Важно, что автор использует в тексте работы конкретные обращения выходцев из Восточного Туркестана (с. 188-190), в которых уйгуры и дунгане представлены в качестве единой общности переселенцев, находящихся в одном этнокультурном и историческом контексте. Из обращений следует, что местные дунгане и уйгуры просят о разрешении переселения из Восточного Туркестана представителей своих общин. Как указывает автор, обращения составлялись «от лица депутатов от общества таранчей и дунган, из чего можно сделать вывод, что для выходцев из Восточного Туркестана консолидация обеспечивалась компактным проживанием, возможностью вести экономическую деятельность, а также сохранением общей памяти о переселении, а не фактором их этнической принадлежности». Следующий консолидационный проект, позволяющий рассматривать указанные общности совместно, был представлен в формировании союза «Уйгур», куда входили уйгурская и дунганская общности (с. 203).

Влияние революций естественным образом сказалось на смене общественно-политического строя, отразившись на качественной трансформации подходов национальной политики государственных институтов. В третьей главе «На пути к социалистической идее: уйгуры и дунгане в первой трети XX века» рассматривается развитие этнополитики в рамках советской логики, при этом делается акцент на критериях, которыми руководствовалась советская власть при работе с национальными меньшинствами. Китайская проблематика выступает здесь в качестве не только фонового объекта для сравнения, но и позволяет продемонстрировать политические проекты, которые появлялись в Синьцзяне в связи с его особым положением, но так и не дошли до практической реализации. Автором справедливо указывается, что отдаленность от центральных областей Китая, обусловила сильное влияние на Синьцзян советского проекта. Здесь автор также

подчеркивает особое значение отечественного востоковедения в развитии дискурсов, связанных со спецификой этнических общностей в регионе. По этому периоду прослеживается процесс институционализации этнических категорий в первую очередь в советской политике. Соискателем убедительно раскрыты механизмы национального строительства, роль научных классификаций, изменение статуса этнических групп.

Автор подробно раскрывает процесс консолидации уйгуров и дунган в рамках одного представительного органа в виде краевого бюро. Этот проект был призван защищать и наделять эти этнические общности правами, гарантировавшими политическую представленность. Создание в июне 1921 г. первого объединенного краевого съезда уйгуров, куда входили таранчи, алты-шахарцы и дунгане, демонстрировало надежду объединившихся на регламентацию их положения в едином правовом поле происходящего нового администрирования. Эволюция этого процесса подробно изложена автором на архивных материалах, основу которых составили данные РГАСПИ. После прекращения деятельности союза «Уйгур», его место занял союз «Кошчи», представлявший бедняцкие слои населения. Здесь особую роль сыграл процесс национально-территориального размежевания, в рамках которого уйгуры и дунгане предпринимали попытки формирования отдельных национальных административно-территориальных единиц — от создания автономных сельских советов до образования автономной области. На практике было реализовано создание автономных национальных районов. В главе рассматриваются разнообразные, зачастую противоположные друг другу, проекты организации национального совместного и раздельного политического представительства, исходившие как от представителей этнических объединений, так и от государственных органов, преимущественно всероссийских и всесоюзных. Автор убедительно показывает, что модели консолидации и национального строительства на территории СССР и Синьцзяна в первой трети XX в. качественно отличались. Логика советской модели была направлена на формирование гражданской нации, базировавшейся на уровне развития производительных сил и производственных отношений в местном сообществе, причем этничность была доминирующим критерием. Важно, что в этой модели важнейшим был фактор интеграции уйгуров и дунган в новые государственные и общественные структуры. В Синьцзяне же консолидация происходила в рамках другой модели консолидации: религиозной и антиханьской.

В разделе 3.2. «Конструирование национальностей: переписи, термины и практика классификации» автором последовательно рассмотрено такое явление как национальные переписи, включая процесс закрепления этнонимов и процесс политической самоидентификации, присущие в тот период только СССР. Для Китая они станут актуальны только с 50-х гг. XX в., и за основу там будет взята советская модель категоризации. Автор доказывает, что закрепление терминов — уйгуры и дунгане — за определенными сообществами не только фиксировалось советскими переписями, но и становилось источником легитимации новых политико-административных статусов за местными этническими сообществами.

Диссертационную работу Дарьи Викторовны Сапрынской следует рассматривать в качестве самостоятельно научного исследования, посвященного сложному периоду последней трети XIX — первой трети XX в., это серьезный вклад в вопросы сравнительного анализа этнополитических процессов, протекавших на территории России/СССР и Китая. Многие сюжеты, освещенные в работе, ранее никогда не приводились в работах отечественных и зарубежных авторов. Особую ценность представляет проведенный анализ объединительных проектов в рамках РСФСР и СССР, когда предпринимались попытки создания единой нации «уйгуры», куда могли бы быть включены различные этнические группы, в том числе дунгане, несмотря на существенные языковые различия. Также впервые вводится в научный оборот информация о проекте создания Уйгурской автономной области, нашедшем поддержку в правительстве СССР, но категорически не принятым республиканскими властями Казахской, Киргизской и Узбекской ССР.

Автор эффективно применяет приемы выбранного методологического подхода, что позволяет решить поставленные задачи, иногда выходя за хронологические и географические рамки исследования, что неизбежно при анализе этногенетических процессов и процессов реализации национальной политики в рамках крупных полиэтничных государственных образований. Конечно, существуют и другие методологические подходы, которые могут по-разному интерпретировать этническую историю отдельных народов. Преимуществом избранного автором подхода является возможность исследования моделей этнополитики с учетом этнокультурных специфик.

Несмотря на в целом позитивное общее впечатление, работа содержит некоторые неточности. В частности, имеются орфографические ошибки и опечатки, иногда мешающие восприятию содержания текста. Требуется более четкое авторское толкование термина «этнополитика», который автор вводит для описания всех

действия властей в отношении и категоризации различных этнокультурных и этноконфессиональных групп, причем иногда в некоем узком, а чаще в широком смысле. Семантически же автор использует несколько определений этнополитики по всему тексту, в частности, под этнополитикой подразумеваются административные практики, идеологические модели, совокупности тех или иных конкретных практических мер (с. 24).

Практическая значимость исследования могла бы быть усилена указанием на применение результатов исследования в отношении современных гуманитарных, в том числе образовательных проектов. В свете интереса современной постсоветской историографии к вопросам идеологии джадидизма представляется, что автору следовало более подробно остановиться на их проектах решения национального вопроса в целом, а не только на локальном уровне, нашедшем отражение в прессе Синыцзяна, тем более что в публикациях и выступлениях на научных конференциях разного уровня эти вопросы автором освещались.

Несмотря на данные замечания, которые, надеюсь, должны стать основой дальнейших научных изысканий, диссертационное исследование Д. В. Сапрынской представляет собой законченное научное исследование, вносящее существенный вклад в изучение вопросов национального строительства в России/СССР и Китае в период последней трети XIX — начала XX вв. Работа сочетает элементы глубокого анализа отдельных явлений и процессов и систематизации разрозненных фактов и проектов, позволяющих проследить процесс эволюции этнокультурной политики двух стран в отношении уйгуров и дунган, продемонстрировав, что в столь короткий хронологический период происходили качественные изменения, оказавшие влияние как на процесс формирования национальной политики ряда государств, а также на процессы политической и этнической самоидентификации национальных групп в составе различных государственных образований.

Основные положения и выводы диссертации отражены в семи публикациях в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Диссертация прошла апробацию в формате докладов на научных конференциях и круглых столах всероссийского и международного уровней. Автореферат диссертации в полной мере отражает её содержание, основные положения и выводы исследования.

Диссертация Д.В. Сапрынской «Этнокультурная политика России/СССР и Китая в отношении уйгуров и дунган (последняя треть XIX — первая треть XX века)» соответствует требованиям пп. 9-14 действующего «Положения о присуждении

ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 16 октября 2024 г.), её содержание соответствует паспорту специальности по специальности 5.6.2 — Всеобщая история (п. 21), а ее автор Дарья Викторовна Сапрынская заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 — Всеобщая история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

А. А. Князев

Служебный адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76
Телефон: +7 495 229-40-49
Email: info@mgimo.ru
Официальный сайт: <https://mgimo.ru/people/knyazev/>
Учёная степень: доктор исторических наук

